

Заседание пятое.

Председатель – К.Н. Полещенко

Секретарь – Ю. Чепурко

Круглый стол: Влияние кризиса на социальные коммуникации и будущую структуру российского общества. Место науки и образования (причины и прогноз генезиса кризиса, финансовые, экономические, институциональные аспекты; механизмы осмысления и описания) (Часть 1).

Вступительное слово Ореховского П.А.: Доброе утро, уважаемые участники семинара!

В рамках круглого стола мы обратим внимание на два ключевых момента. Во-первых, перейдём к рассмотрению кризиса: причин и прогноза его генезиса, финансовым, экономическим, институциональным аспектам, механизмам осмысления и описания. Особенно пристально взглянем в будущее образования. Во-вторых, поговорим о проблемах перехода России на инновационный путь развития. Ранее мы уже говорили, что существующие ресурсы системы закреплены за отдельными субъектами, следовательно, сложилась определённая социальная структура. В этой связи представляется интересным провести оценку возможностей развития и реализации инноваций в системе российского образования. Именно это мы и попросим сделать наших экспертов. Естественно, необходимо будет обратить внимание на ограничения, имеющиеся в данной сфере.

Предоставляю слово Георгию Виссарионовичу Семёнову.

Семёнов Г.В.: В России сейчас возникла парадоксальная картина: есть естественное развитие территорий, регионов, а есть развитие, которое формируется искусственно. Мы говорили о том, какая часть населения проживает в Сибири, в европейской части. Мы говорили об этих вещах с 1987 года – в Сибири проживало 16-18%, сейчас – 21%. Максимально проживало 23% населения. В первую очередь, кризис развития испытывают территории, которые никогда не развивались: Кировская область, Мари Эл, Мордовия. На севере никогда никто не работал, кроме заключённых – нечего там делать, по большому счёту.

Есть естественный ход истории, а есть попытка усилить, создать что-то и так далее. В частности, могу сказать по Казани: она всегда была торговым городом, Казань никогда не была промышленным го-

родом. То есть сам Бог велел Казань использовать как центр логистики. То же самое могу сказать про Улан-Удэ и другие города, которыми мне приходилось заниматься. Но вдруг там оказалась промышленность, стали преобладать ценности индустриального развития.

Одна из первых причин (о ней я писал ещё в 2004 году) заключается в том, что была предпринята попытка искусственно увеличить темпы роста промышленности. Это делалось независимо от того, есть возможности или их нет. Всё это рассматривалось мной по всей стране, в Татарстане – особенно проявилось.

В любом случае такая стратегия приводит к обратному движению, что, собственно, сейчас и происходит. Параллельно мы имеем неразвитое строительство. Мы отстаём на 30-40 лет в части технологий, в частности, по энергосберегающим помещениям. Просто медленно строим, низкая производительность. Мы отстаём по транспорту. У нас сейчас между собой конкурируют три коридора, которые идут на восток: самарский, пермский и казанский. Но при этом ничего более-менее осмысленного в плане центров логистики, перевалки грузов, пересортировки не предпринимается. И это несмотря на то, что первые проекты были написаны, прошли экспертизу по программам Европейского союза ещё в 1996-1997 годах.

Мне кажется, что это первое, о чём надо говорить. То есть если у вас стоит предприятие, если на нём было специализированное оборудование – специфический актив, если это предприятие неконкурентоспособно, то оно не является элементом национального богатства. К этому мы должны привыкнуть. Такое предприятие нужно просто вычёркивать – уровень капитализации нулевой, даже отрицательный. Если это предприятие имеет менеджеров и начинает приносить доход, то автоматически мы говорим об увеличении стоимости бизнеса и национального богатства. Именно в этом смысле нужно всё это рассматривать.

Второй принцип заключается в том, что применительно к инновационным процессам одно из самых «узких мест» – это отсутствие людей. То есть деньги можно найти, проекты есть, но нет людей, команды, которая могла бы реализовать данный проект. Это происходит по разным причинам. Инженеры сильно сомневаются, что они что-то на этом заработают. Это раз. Второе – это фактор удалённости. Представьте, что мы делаем некое предприятие в Сибири: быть учредителем – опасно, просто выходить с бизнес-планом – ещё и платить не

хотят. Можно было стать учредителем – ничего не требовать, и всё было бы хорошо. То есть первый фактор – это отсутствие людей, второй – неполная спецификация прав собственности на инженерные разработки.

Инженеры говорят, что мы много можем. На самом деле – чем дальше, тем меньше. В основном это пожилые люди – профессора, которым под шестьдесят. Это люди, которые сегодня представляют реальные инженерные возможности. Когда ты говоришь: «Давайте мы расширим семинар – молодёжь введём!» Мне говорят: «Георгий Виссарионович, они очень прагматично настроены: им деньги нужны сейчас, и они ждут совершенно конкретного решения». В этой части произошёл разрыв поколений.

Про остальное я уже вчера говорил. Должна быть низкая властная дистанция. И другой важный момент – индекс индивидуализма. То есть это тоже серьёзная проблема (я уже ближе к образованию перехожу) – а знания-то кому нужны?! Мы говорили о модели менеджмента, а нам пытаются постоянно внушить, что менеджмент – не профессия. У меня по этому поводу с моими преподавателями дискуссия по этому поводу была. На самом деле менеджмент – профессия, просто это другая профессия. Она возникает, и это такая же профессия как профессия хирурга. Другое дело, что менеджер должен знать к тому же то, что он получает по экономической, управленческой подготовке. Другой момент – менеджеры у нас идут в малый и средний бизнес. Мы выпускаем по 210-220 человек в год, 80% из них идут в малый и средний бизнес.

Обратите внимание: «Менеджеры нам не нужны», – это первое распространённое мнение людей, которые менеджменту не учились. Для сравнения я приведу пример Японии 1930-х годов и государственные программы по развитию управленческого мышления сначала у предпринимателей, бизнесменов, а после войны – у государственных служащих. Ещё один очень серьёзный фактор – отсутствие управленческой культуры. Потому что отсутствие организационно-управленческих инноваций – я не отношу их к косности руководства, а просто к неспособности видеть, что надо делать конкретно. То есть все разговоры – на уровне распределения функций, задач. Это прошлый век.

Стратегический менеджмент, осуществляемый в палатке, которая находится на раскачивающейся доске, где антициклические силы

уравновешивают друг друга и достигается динамическое равновесие – это слишком сложно и абстрактно для понимания многих наших современников – «практиков», о которых говорили. На самом деле именно такой менеджмент эффективен.

Что касается малого и среднего бизнеса, то «Экономика малых и средних предприятий» – у нас такой курс читается, что редко выделяется отдельной программой. Отношения у них как малые и средние предприятия – то есть доминирует англосаксонская культура. Она отличается от венесуэльской и мексиканской, то, что нам ближе оказывается – я имею в виду, по крайней мере, в официальном истэблишменте.

Эта ситуация плюс другие вещи, связанные с тем, что можно быть неэффективным и продолжать существовать. Закон о банкротстве был готов в январе 1992 года, был принят несколько позже. А сколько реальных процедур было проведено – ни одной серьёзной – по промышленным предприятиям вообще не было.

То есть неэффективное управление с тем же «Камазом» не предполагает соответствующей имущественной и иной ответственности. То есть, грубо говоря, можно просто мародёрствовать всю жизнь на потоках, потом что-нибудь оставить в наследство.

В образовании, мне кажется, ситуация достаточно простая. Кризиса особого я не вижу. Единственно – последнее время всё это зарегламентировано стало: глупости с этими тендерами даже на канцтовары. Это очень сильно осложняет жизнь. То есть в тот момент, когда я семь лет назад принимал кафедру, возможности по развитию были гораздо шире, и по кадровому набору, и по другим. Сейчас фактически мы это теряем. Можно укрупнять, разукрупнять университеты – на самом деле это серьёзная программа, а не просто соединение университетов.

Надо посмотреть, как устроен Пекинский университет. Там 60% преподавателей иностранцев. После шестидесяти лет профессора не работают, но есть профессорская гильдия, которая собирается, консультирует и получает очень приличную пенсию. Никто никому не мешает. И разные школы присутствуют на площадках, и ничего страшного. Это Пекинский университет. Хотим мы такой университет создавать – значит, строить надо проект, а не просто: «Давайте объединим университеты!»

Соответственно, когда вы объединяете университеты, возникают организационные вопросы: кто, куда сядет, как сольются службы и другие. То есть это сугубо, так сказать, «кризис С» объединения и другие вещи придётся решать.

Эта неподготовленность к действиям, попытка их осуществлять: на полшаге останавливаются люди, оглядываются, говорят: «Нет, наверное, я вернусь назад». Ощущение отсутствия воли к действию, постоянная нерешительность при авторитарных заявлениях очень сильно ослабляет эти процессы.

Есть другая сторона. Мы уже говорили, что многие вещи происходят вопреки. На самом деле сквозь асфальт всё пробивается. Это вопрос времени. То есть «хотят – не хотят» – в этом смысле власти нет.

Ореховский П.А.: Спасибо, Георгий Виссарионович. Вы как настоящий казанский интеллигент не коснулись ни словом Омска, а всё рассказали на казанских проблемах. Вы очень хорошо увильнули от роли внешнего эксперта, сказав, что в Казани всё примерно так же, как в Омске. С моей точки зрения, немного не так, а, может, и совсем не так. Я в Вашем городе бывал – эффективность казанских коммуникаций выше, чем омских.

Семёнов Г.В.: Я просто Казань лучше знаю. Была эффективность с 1996 по 2005 год, но сейчас она снижается. Это при том, что все позвонят, а ходить в эти высокие кабинеты не хочется.

Ореховский П.А.: Спасибо. Олег Станиславович представляет один из самых успешных учебных центров, где именно в экономических отношениях достигнута большая степень завязки и с властью, и с бизнесом. Это исключение даже среди московских вузов, тем более экономических. Ваша оценка того, что здесь прозвучало вчера.

Анашкин О.С.: Конечно, изначально мы были поставлены в самые лучшие условия, потому что не секрет, что у ректора Кузьмина жена – Набиуллина, министр экономического развития. Мы были университетом под Минэкономразвития. Сейчас нас перевели под Администрацию Президента, то есть под Правительство. Финансирование университет получает замечательное, и связи с властью – замечательные. Факультет развивается, кафедра развивается.

Мы – новая кафедра. Проблемы, с которыми мы сейчас столкнулись, похожи на омские проблемы. У Вас это давнишний процесс, а мы пришли с «горящими» глазами, организовали новую кафедру и думали, что нас все сейчас любят. А тут грянул кризис, а мы набрали выпускников – магистрантов – которые стали не востребованными. Они вроде бы как нужны, и мы, когда создавали кафедру, понимали, зачем и почему они нужны, понимали причины организации этой кафедры. Такого рода кафедры не было ни в одном вузе, никто не готовит таких специалистов. Мы думали, что мы, обладая каждый своими связями, устроим наших выпускников.

Я пришёл из «Лукойла» и в дружбе расставался со своим отделом кадров, со своими руководителями. Никаких конфликтов не было. Но когда сейчас обращаешься – сокращения, урезания. Не можем даже двух человек принять – мы хотели по два человека в разные компании направить. Это говорит о том, что даже успешному вузу не так просто заявить о себе, рассказать о том, что у нас самые лучшие студенты, которые подготовлены по соответствующей проблематике. А мы так и старались готовить. Поэтому я понимаю омские проблемы: вы студентов готовите, а пристроить их, в данном случае в Омске, – затруднительно.

Я считаю, что нельзя опускать руки – нужно о себе заявлять, и публиковаться, и рекламировать, и в другие вузы направлять и так далее.

Ореховский П.А.: Я правильно понимаю, что главное, что всем мешает, – это внешние причины, кризис, а какие-то специальные особенности, которые вчера прозвучали, которые есть именно в Омске, и которых в Москве нет, – таких особенностей у Вас не наблюдается?

Анашкин О.С.: В Омске есть особенности. Высшая школа в этом плане более открытая. Мне кажется, здесь есть, чему поучиться. У нас постоянно, ежедневно проходят какие-то встречи, конференции, они открыты, доступны. Можно по Интернету записаться, получить пропуск, прийти и прослушать ведущих экономистов, политологов – кого угодно. Причём с комментариями ведущих экспертов. Есть клуб, который ведёт Ясин лично, есть те, которые ведут другие руководители кафедр. Это настолько интересно, я каждый день могу куда-нибудь ходить.

Ореховский П.А.: За счёт каких средств приглашаются ведущие чилийские, американские, французские учёные?

Анашкин О.С.: Часто просто престижно в этом участвовать. Безусловно, существуют фонды, по которым всё это проплачивается. Но очень часто по личным связям люди приезжают и читают бесплатно.

Например, у Валерия Анатольевича Крюкова, зав. кафедрой, тесные связи с норвежцами. Здесь есть взаимный интерес. Сейчас появилось Штокманское месторождение. Естественно, весь мир желает быть причастным к разработке этого месторождения. И они ищут контакта с людьми, которые потом будут этим заниматься. Причём контакты – любые, любые возможности используются. Норвежцы приезжают и готовы делиться опытом. Они сами приезжают, приглашают нас в посольство, проводят занятия. Откликаются, когда мы приглашаем.

Сейчас опять возникла проблема с дифференциацией подсчёта НДПИ. Мы считаем, что предыдущий подход подсчёта НДПИ себя оправдал, потому что стабфонд накоплен. Сейчас, когда кризис «долбанул», то все увидели, что если меры никакие не принимать, то добыча нефти будет резко падать.

Ореховский П.А.: Олег Станиславович, совсем наглый вопрос. Вот, например, Джозеф Стиглиц, люди, работающие в мировом банке, в других странах – вы их приглашаете, и они к вам идут. Как Вы думаете, в Омск они поедут? Причём бесплатно?

Анашкин О.С.: Наверное, моментально не поедут, потому что нет проектов, за которые бы они зацепились. Они должны зацепляться либо за проекты, которые интересны, которые разрабатываются здесь, к которым вы причастны, участвуете в этом, либо за связи, которые так быстро не наработаешь.

Ореховский П.А.: То есть Омск – это не Москва, потому что в Москве много всяких интересных людей?

Анашкин О.С.: В Москве деньги, естественно. И люди, и культура. Ну, что делать.

Тимкин С.Л.: Буквально на днях в Томском госуниверситете читал лекцию Жорес Алфёров. Очень интересная лекция. Благодаря нашему долгому партнёрству с Томским госуниверситетом и развитию информационных технологий эта лекция транслировалась в режиме ви-

део-конференцсвязи на групповую аудиторию. В режиме просто трансляции в сетке университета, и каждый мог её прослушать и наблюдать на своём рабочем месте. Была собрана аудитория. Помимо Томска и Омска – подключились ещё три университета Сибирского федерального округа.

К сожалению, Алфёрову есть много чего сказать, и времени на общение не осталось, даже с Томской аудиторией, но возможность такая, безусловно, была. Поэтому в Омск, я думаю, он бы не поехал, а вот в Томск поехал. И через наших томских партнёров в некоей кооперации – например, есть такая ассоциация «Сибирский открытый университет» – как-то прикоснуться, да в общем-то довольно плотно – мы можем. По крайней мере, тот, кто смотрел лекцию, тот, кто присутствовал в интерактивной аудитории, безусловно, почувствовал величину личности. Эта была живая, хорошая лекция, не какая-то запись и так далее. Паллиатив, конечно, но ...

Анашкин О.С.: Я хочу сказать, что в Высшей школе то же самое сейчас стали проводить. Раньше собирались в одной аудитории и общались, сейчас есть возможности проводить видеоконференции. Это всё транслируется по всем зданиям Высшей школы. Не знаю, как можно переговорить, чтобы подключались и другие вузы.

Тимкин С.Л.: У нас есть между сибирскими вузами спутниковая корпоративная связь. Например, с Алтайским госуниверситетом.

Анашкин О.С.: Я думаю, что здесь вы бы то же могли поучаствовать, и тогда вы были бы сопричастны. Пожалуйста, – нет проблем: включайтесь в процесс.

Например, обсуждение с газовой трубой, конфликтом с Украиной было подробнейшим образом «разжёвано» специалистами в присутствии студентов. Было обсуждение со всех сторон, выяснено, кто виноват, кто прав. Понятно сразу становится, что обе стороны в равной степени виноваты. Моё мнение, что это вина «Газпрома», однозначно.

Дусь Ю.П.: Только в Высшей школе поняли, а вся страна осталась в неведении ...

Ореховский П.А.: Неожиданно. Как бы Вы оценили то, что вчера происходило. Каково было мнение преподавателей, студентов по поводу того, что вчера происходило?

Анашкин О.С.: Преподаватели – всё понятно, потому что у них работа есть. Здесь волнуют больше студенты, потому что если не пристраивать их на работу, то иссякнет поток желающих учиться на этом факультете. Волнует открытость и продвижение студентов в дальнейшем. Если взять пример Высшей школы, то там всё время какие-нибудь клубы, например, бывших выпускников. Они всё время общаются, «тусуются». Есть куда и на сайте прийти, и помещение даже в университете есть. Они обмениваются опытом, информируют студентов, где они работают, и даже особо талантливых с собой берут.

Ореховский П.А.: Я бы хотел подчеркнуть, поскольку тоже у Вас работал. Вообще говоря, на это тратятся деньги в университете. По каждому факультету поддерживается база выпускников. Соответственно есть преподаватели, которые поддерживают связи с этими выпускниками.

Анашкин О.С.: Это не стоит дорого, потому что из выпускников всегда есть один-два человека, которые желают эту связь поддерживать. Преподавателю это не стоит ничего, потому что преподаватель этим пользуется. Студенческое братство такого рода есть. Есть любители, которые «в контакте» сидят.

Тимкин С.Л.: У вас есть опыт использования «одноклассников», «vkontakte.ru» для этой работы?

Анашкин О.С.: Я не знаю. Я никогда не сидел ни в «контакте», ни в «одноклассниках». Я считаю это глупостью.

Ореховский П.А.: Высшая школа это не использует. Она использует это только для социологических вещей, они за этим наблюдают. А для своих у них есть собственные социальные сети.

Анашкин О.С.: Ещё одно преимущества «вышки» – это необыкновенная библиотека. Доступ к мировому фонду. Всё открыто. Вы зарегистрировались, получили свой пароль и в удалённом доступе вы можете пользоваться любой библиотекой, любые журналы.

Боуш Г.Д.: На каких условиях это всё происходит?

Анашкин О.С.: На том основании, что вы являетесь студентом, магистром, преподавателем.

Князева И.Г.: Нет – вы-то пользуетесь на каких условиях?

Анашкин О.С.: Где-то платят, где-то благотворительность.

Князева И.Г.: У нас тоже это бывает, только периодически. Два раза в год – в библиотеку диссертаций. Раз в год – в какую-то мировую.

Анашкин О.С.: Я думаю, что нет проблем, если вы «законтакчите» с «вышкой» по этому поводу и получите именно для своей кафедры эти условия.

Дусь Ю.П.: Возникает идея объявить себя омским филиалом, в частности, кафедры.

Ореховский П.А.: Об этом мы ещё поговорим. А теперь – Алла Стефановна, пожалуйста.

Книга А.С.: Проблемы, которые вчера обсуждали применительно к Омскому университету, мне показались очень знакомыми, потому что та же самая ситуация складывается и в Барнауле. С одной стороны, достаточно потребительское отношение и власти, и бизнеса к университетам. Бизнес не имеет необходимости покупать выпускников, финансировать какие-то программы, поскольку лучших выпускников они привлекают своими условиями работы. Наши краевые власти, как правило, первыми приходят за предстоящим выпуском и так же отбieraют.

Возможно, уменьшилась потребность консультирования со стороны университетского сообщества. Бизнес и власть сами имеют учёные степени, в какой-то степени тоже компетентны в соответствующих областях и имеют аналогичные навыки.

В связи с этим небольшая информация: на этой неделе я была на совещании в УМО и госпожа А. Грязнова, президент Финансовой Академии при правительстве РФ, высказала такую интересную мысль: оказывается уже ВАК обеспокоен тем, что слишком и докторов, и кандидатов наук среди людей, не имеющих отношения ни к образованию, ни к науке. Привели цифры, что за последние два года было защищено более шести тысяч докторских диссертаций, а во всей вузовской системе работает более пяти тысяч докторов наук. Понятно, что значительная часть не относится ни к науке, ни к образованию. Сейчас в ВАКе рассматривают вопрос о том, какие степени можно присвоить людям, которые не находятся в сфере образования и науки.

Семёнов Г.В.: То есть это для того, чтобы они потом не могли работать в вузах.

Книга А.С.: Может быть, действительно, чтобы отделить этот символический капитал, так называемый, одной сферы от другой.

Что касается взаимоотношений между вузами, то здесь складывается такая картина. Формально вузы разобщены, существует конкуренция между ними. На частном уровне существуют контакты между отдельными преподавателями, кафедрами, которые находят общий язык. Если говорить о возможностях инноваций, то здесь имеется один из вариантов объединения и разработки, либо совместных программ, к сожалению, в условиях более ограниченного финансирования.

Ореховский П.А.: Валерий Викторович, Вам слово.

Мищенко В.В.: Я работаю в Алтайском госуниверситете. Последние два года, особенно последний год – полтора Администрация края пытается получить плюсы в своей экономической деятельности и создаются проекты, «прожекты» объединения вузов Барнаула. Одно время была идея аграрно-индустриального федерального университета. Потом социального. Когда это было модно, было два федеральных университета – так и останется два: Южный и Сибирский.

Теперь ставится вопрос создания инновационного федерального университета – объединить с кем-нибудь внутри Барнаула. Не обращается внимания, что это вузы разных министерств, финансируются по-разному. Насколько я могу понять – результат их не волнует. Главное – что у нас есть объект управления, и администрация региона влияет на это. Такое моё мнение.

Как говорила Алла Стефановна: «Зачем заботится о подготовке специалистов? Куда они денутся. – Сами придут». В принципе они уже приходят на третьем-четвёртом курсе. Я работал специально с ГМУ – государственное и муниципальное управление: на пятом курсе все студенты, кто хочет, тот работает – но не по специальности. До недавнего времени по закону о госслужащих нужно было иметь какой-то стаж работы. Сейчас противоречие снято, но фактически по этой специальности работают один-два человека. В год заканчивают тридцать-сорок человек.

Я думаю рано или поздно сетка будет пересмотрена – и специалитет, и бакалавриат. В общем, в образовании очень много прожектов, и есть ли перспективы и возможности развития у вуза? У нас шестьдесят процентов людей, которые получили среднее образование, полу-

чают высшее образование. Это один из самых высоких показателей в мире. Если учесть, что наша страна находится на четвёртом технологическом укладе по Глазьеву, то это ненужный процент.

Ореховский П.А.: То есть количество людей с дипломами завышено?

Мищенко В.В.: Конечно, завышено. Особенно это касается технических специальностей.

Анашкин О.С.: Всем известно, в Московском университете на мехмате принимается курс в четыреста человек, но это четыреста человек, из которых будет выбрано тридцать-сорок, которые будут потом толкать фундаментальную науку. И этот набор – четыреста человек – серьёзную подготовку проходят. Понятно, что из них тридцать-сорок будут заниматься фундаментальной наукой. Остальные будут заниматься прикладной математикой, экономикой или переориентируются. Здесь отбор единичный – это фундаментальная наука. Экономика – не такая специальность. Неинтересно готовить студента-экономиста, который потом будет торговать тряпками на рынке.

Ореховский П.А.: Вспомним Патриарха Кирилла: «Плохо учиться – это грешно». Валерий Викторович, какой выход?

Мищенко В.В.: Выход какой? – Если мы хотим динамично развиваться, надо будет просто сокращать количество людей в вузах.

Ореховский П.А.: То есть и студентов, и преподавателей?

Мищенко В.В.: Да и тех, и других. Про Высшую школу я не знаю, но в Барнауле, в Омске работать на экономическом факультете, на юридическом – невозможно. Люди бегают с одного факультета на другой, получают деньги, зарабатывают экономическую свободу. Какая к чёрту наука! Количество хоздоговоров сокращается.

Ореховский П.А.: Валерий Викторович, а Вы считаете, если мы сократим количество людей, количество студентов – что у нас появятся договора?

Мищенко В.В.: При такой оплате – нет.

Ореховский П.А.: То есть дело в оплате? Внешний фактор?

Мищенко В.В.: Да. Выход – повышение качества менеджмента. Завоз специалистов из-за предела страны.

Семёнов Г.В.: Я категорически не согласен. Все разговоры по поводу того, что слишком много мы готовим людей с дипломами – дело не в том. Вы возьмите среднюю школу: двадцать процентов вообще не готовы учиться физиологически или как-то ещё. В советском союзе официально дебилы составляли двадцать шесть процентов в медицинской статистике. Это состояние генофонда.

Мищенко В.В.: А не много ли?

Князева И.Г.: Там не только дебилы, там ещё и социально запущенные дети учитывались.

Семёнов Г.В.: Получается эти восемьдесят процентов, из них двадцать возьмите – семьдесят и будет – это те, которые закончат. Дело в другом. У нас на кафедре менеджмента (то же самое по техническим специальностям) осталось шестнадцать бюджетных мест. Остальные – внебюджетные. То есть дети приходят и учатся вместо того, чтобы быть безработными. Вы не видели, что такое молодёжная безработица в Набережных Челнах – тридцать четыре процента к экономически активного населения.

Дело не в количестве дипломов, дело в том, что при существующей системе – красно-синие дипломы. Как только вы перейдёте на нормально выстроенные рейтинговые системы, у вас всегда те специалисты, которые будут иметь выше семидесяти баллов – они будут уходить с руками. Это хороший специалист.

Дусь Ю.П.: Коллеги, по поводу ограничений мы достаточно много сказали и по поводу проблем, которые стоят и перед экономикой, и перед высшей школой. Мне бы хотелось увязать схему наших проблем и ограничений со схемой общественного устройства. Главная проблема того, почему высшая школа не чувствует себя уютно, комфортно, не ощущает того внимания, поддержки, хотя бы отсутствия попыток мешать, заключается в том, что мы не имеем критической массы образованных, интеллигентных, думающих людей, которые доходили бы до высших региональных уровней власти. Понятно, что они всё равно сидят на ресурсах, не забывают о собственных интересах, но, по крайней мере, они пытаются нанести наименьший ущерб процессу. Поскольку личностей таких немного, мы вынуждены, начиная с наших монархов, императоров, уповать на отдельно взятого. Скажем, ну повезёт – в регионе хороший руководитель, хороший хо-

зыйственник, умный человек, а не повезёт (что в большинстве случаев происходит) – живём как живём. Поэтому, мне так кажется, и я с Президентом здесь согласен, что если образование – это рынок, если мы собираемся в Болонский процесс и на международные условия этого рынка, если мы видим, что за экономистов, за юристов платят родители, спонсоры и так далее и готовы делать это в достаточно больших размерах, то мешать этому под углом зрения, что они не найдут места работы, нам больше нужны инженеры (что совершенно неочевидно) – это, по меньшей мере, просто неумно. Получается, что миссия высшей школы в этом случае – создать слой людей вне зависимости от практической применимости. Потому что если человек хорошо образован экономически, хорошо образован юридически, в худшем случае он найдёт своё применение за рубежом, без куска хлеба не останется. В худшем случае, не найдя полного применения здесь, умный человек всегда привлекателен, скажем, на рынке женихов и невест. И в конце концов есть домашнее хозяйство, где можно поддерживать его аккуратно и эффективно с помощью хороших знаний в экономике, юриспруденции и так далее.

Ореховский П.А.: Это Ваше слово в защиту высшего образования?

Дусь Ю.П.: Естественно.

Мне кажется, наличие ограничений, которые уже обозначались, например, изменения системы закупок, изменения бюджетного кодекса, изменение системы оплаты труда до полного идиотизма, изменение процедуры приёма, которое происходит в несколько приёмов, что само по себе говорит об интеллектуальной несостоятельности людей, которые этим занимаются, уж, кажется, фундаментальный документ, но, меняя старый, забывают, скажем, наших сограждан из-за рубежа, иностранных граждан и издают приложение к этому порядку. Потом в этом приложении вспоминают, что они не указали обстоятельства очно-заочниками, вечерниками и так далее – доиздают ещё одно приложение, и понимаешь, что это только отсутствие критической массы образованных людей. К сожалению, их нет.

И последнее: стандарты, о которых Алла Стефановна уже поведала, и которые издаются за день до того, как их надо вводить. Нам ничего не остаётся, как работать в вузах хорошо, создавать как можно больше людей, которые имеют хорошее образование для того, чтобы это как-то спасло нас, потому что второй вариант – это просто упо-

вать, что нам повезёт и у власти окажется какой-нибудь там Иван Грозный без патологических наклонностей или Пётр Первый без садистских качеств. Чаще всего, не везёт.

Мищенко В.В.: У нас в крае в вузах учатся сто шесть тысяч человек, то есть в год заканчивают примерно двадцать две тысячи человек, из них экономистов – пять тысяч человек, юристов – где-то три тысячи человек. Дипломы экономистов студенты получают в двадцати пяти вузах. Очень много филиалов, представительств, причём непонятные структуры – есть филиалы, в которых нет ни одного кандидата наук. Я не знаю, есть ли такая тенденция в Омске.

Боуш Г.Д.: Есть.

Дусь Ю.П.: Вот это и следует закрыть, чтобы обеспечить качество.

Разумов В.И.: Ну, их-то как раз закроют в последнюю очередь.

Мищенко В.В.: В стране две с половиной тысячи вузов, тысячу сто городов, тысяча сто банков. То, что я вчера говорил по банкам – норматив по величине активов банка. Нормативы по вузам – лицензирование, которое проводится раз в пять лет. Если два года назад его прошли, то в лучшем случае через три года приедет комиссия. Я думаю, через три года будут там у них и кандидаты, и доктора, и академики работать, если захотят. Пятнадцать лет было обсуждение по банкам – сколько по вузам будет? Должны закрыть – красиво звучит «должны» – кто должен?!

Ореховский П.А.: Типа государство. Хорошо, спасибо. Тадеуш, пожалуйста.

Мильчарек Т.П.: Исключительно декартовский метод. Первая возможность – это «я» – я имею в виду каждого из нас. Мои компетенции, мои интересы, мои коммуникации. Дальше на их основании – отдельные гражданские институты. Мы с Вами собираемся – это тоже определённая институциональная форма. И третье – это ограничения. Я объясняю их как возможности тех, кто сумеет с ними справиться.

Ореховский П.А.: Мне очень нравится, как отсутствие денег Вами рассматривается как преимущество.

Мильчарек Т.П.: При наличии первого и второго.

Ореховский П.А.: Сейчас я хочу подвести промежуточные итоги, резюме.

Обратите внимание – очень любопытно наблюдать вчера то, в чём мы живём. А живём мы в состоянии, которое вежливо называется «фрагментация хозяйственной жизни». Термин впервые ввели Трейвиш и Татьяна Нефёдова – наши экономгеографы.

Когда вы от индустриального города отъезжаете на двадцать километров, и в этом городе банки, светящиеся неоновой рекламой и так далее, и тут же рядом вы попадаете в ситуацию отсутствия централизованной канализации и так далее. А в Омске даже и отъезжать никуда не надо, потому что это в городе находится.

Когда Вы говорите об укладах, это – сочетание совершенно несопоставимых образов жизни, стилей жизни и так далее. Они как-то между собой обмениваются, коммуницируют, но (я уже говорил про «стеклянный потолок») любопытная вещь возникает: люди общаются и понимают друг друга в рамках одного статуса вверх и вниз. Если расстояние между людьми в социальной структуре больше двух статусов, то они друг друга не понимают, боятся. Это выходит за пределы их социальных представлений. Они думают, что товарищ хочет их обмануть, украсть, убить или ещё что-то сделать. Отсутствие кредита доверия полностью здесь определяют ситуацию, и возникает состояние фрагментации, я употреблю термин из своей же статьи – «состояние общественной шизофрении».

Обратите внимание на то, что происходило вчера. Сначала мы обсудили возможности инновационного развития – достаточно много позитивных, много негативных пунктов. Однако впоследствии оказалось, что у нас есть регионы, где очень хорошо с предпринимательством, стратегиями и так далее. Где-то иначе. Кто-то у нас есть оптимисты. Господин Тадеуш у нас на этой стороне. Следующий по степени минимума пессимизма – Женя. На другом конце спектра – Денис. Но это эмоциональные оценки – если вы вслушаетесь в содержание того, что говорилось, то увидите, и Георгий Виссарионович, как и положено, подвёл здесь итог, что первое – зачастую ресурса нет, вокруг которого идёт торг. Поскольку он явно не предъявлен, как коммуникация, как некий капитал – никто не знает, кому принадлежит знание, никто не знает, что будет, если сливать вузы или соединять их с бизнесом. Соответственно, в результате юридические процедуры, о которых лучше всех, наверное, сказала Ирина Геннадиевна, – попытка любой

инновации – это способ получить по ушам. Это не тот способ получить по ушам, когда, по Хайеку, мы уже что-то придумали и сделали, а это способ получить по ушам за то, что мы вообще что-то придумали. То есть чтоб ты сидел в своей социальной нише и не «рыпался». Это уже преподаватели.

Что говорили студенты – то же самое, но ещё грустнее, поскольку они люди – молодые.

Отъезд, «голосование ногами» – тоже звучало. Какие к чёрту инновации, если все дружно фиксируют тот момент, что, вообще говоря, в Омске инновации осуществлять невозможно, потому что ресурсы все поделены, при том, что формально они даже не определены, а юридические процедуры таковы, что они не предполагают никакой возможности перераспределения власти, и соответственно молодёжи, которая себя позиционирует как новаторы и хочет сделать что-то новое, делать абсолютно нечего. Это тоже звучало.

Отсутствие людей, с которыми можно разговаривать, – тоже звучало. То есть Петра Первого, Ивана Грозного «с человеческим лицом» нам не хватает.

По поводу госполитики, которая направлена, по сути, на снижение качества образования, тоже отчасти говорили, причём в разном исполнении. Что особенно приятно – в исполнении муниципального чиновника Натальи Пузиной. «Федералы нам мешают, мы – муниципалы, нам только дай!..»

Остаётся зафиксировать, что первая часть дня, в которой Георгий Виссарионович делал свой доклад, и отчасти вторая часть дня (Валерий Викторович – известный пессимист), ещё Леонид Иванович говорил, – они никак вообще не стыкуются. То есть мы сразу получили, что бессознательное – это одно, а сознательно мы как учёные говорим совершенно другое.

Это всё неспроста. Есть две модели взаимодействия образования вместе с наукой, бизнеса и государства. Исторически так было устроено, отчасти из-за того, что мы заимствовали немецкую систему, что в СССР модератор – государство, соответственно связи исключительно вертикальные. Образование и НИР были отдельно. Промышленность условно обозначим «бизнес» - тоже отдельно. Даже в советское время связи между наукой и образованием не было. Первая лаборатория в Алтайском политехе – её организует господин Шукис только в 1973 году – тогда же там создаётся самый сильный по техниче-

ской оснащённости вычислительный центр в крае. Политех выпускает процентов шестьдесят всех руководителей промышленных предприятий, и которые, как ни странно, впоследствии не сохраняют никаких связей с политехом. Нет ни заказа на НИР, ни на выпускников.

Юрий Петрович, не верю я в то, что у нас появится Иван Грозный с человеческим лицом, не верю я в то, что человек, которого в этой системе воспитали, придёт, и это фиксировал Владимир Васильевич, – как только учёный или образовательный человек попадает во власть или бизнес – всё, он мутирует полностью. Это просто другое животное.

Другая модель, которую вообще-то нам бы хотелось: есть университет, вокруг него – лаборатории. Они могут на паях принадлежать, вести совместную разработку с фирмами. Государства здесь нет, оно через фонд может давать средства. Может возникать так называемая «семенная стадия», которая перерастает в фирмы и так далее.

Теперь об исключениях, которые я видел своими глазами и которые подтверждает правило. Одно исключение (о нём уже говорил Олег Станиславович) – ГУ ВШЭ. Кроме того, что там сохранена старая структура (факультеты, кафедры и так далее), на каждом факультете, кафедре есть такое понятие «центр». Центр, например, корпоративного предпринимательства и так далее. Кроме того, в рамках центра создавались лаборатории – государственные, но центры фактически почти все связаны либо крупной транснациональной корпорацией, либо с общественными союзами, движениями (включая ОПОРА, торгово-промышленные палаты и так далее), и наконец, Правительство.

Уникальность положения, уникальность исключений – в том, что они создавалось уже после распада СССР и создавались людьми, которые знали, чего они хотят, а хотели они перехода к западной структуре.

Второй пример – университет «Дубна». Там наряду с экономистами и психологами выпускаются физики, математики. Они составляют большинство выпускников. Университет появился в 1994 году. Я долго размышлял, почему у них в Дубне получилось, а у нас в Обнинске не получилось? – Потому что у нас в Обнинске был филиал МИФИ, а в Дубне не было вуза. У них было военное училище, откуда строители ушли, и здание которого подвергалось рейдерским атакам. Городская администрация, там те же самые учёные, что и в начале 90-х, до сих пор эта команда, и поэтому город сохраняет прежнюю траек-

торию развития – они решили создать университет. Над ними смеялись сначала. Но они его создали. Что важно – что университет стал полем встречи учёных Дубны, которые принадлежали разным ведомствам, они создали коммуникационную площадку.

Создали они её практически сразу. ГУ ВШЭ на самом деле опыт вырожденный, и его повторить, мне кажется, практически не удастся – по крайней мере, Омскому университету или Алтайскому политеху. А пример Дубны можно повторить. У них учредители – Правительство Московской области, ОИЯИ (Объединённый институт ядерных исследований), Тензор, ещё одно предприятие из бывшего МАП (Министерство авиационной промышленности). Они создали этот университет, в котором не было ничего, кроме полуразрушенного здания.

Они не стали создавать факультеты. У них шестнадцать кафедр, из которых девять выпускающих и семь базовых. Учебный отдел очень сильный, но там порядка шести или семи человек – ведомство проректора. Учёный совет представляют заведующие кафедр. Западная система была построена сразу.

Они ввели квоту, что пятьдесят процентов преподавателей – иногородние. Ежедневно от станции метро «Новослободская» отправляется несколько автобусов: в первую очередь, это преподаватели МГУ, но часть – из других вузов. Кроме того, регулярно работают преподаватели из Израиля и Германии.

В 2005 году они провели у себя всемирный эколого-культурный слёт молодёжи под эгидой ЮНЕСКО. Причём были представлены студенты из шестидесяти стран

Я считаю, что этот опыт удался только потому, что у них есть этот попечительский совет, и они выстроили коммуникацию. Причём вопрос создания попечительского совета приводит к следующему примеру. Когда стало возможным создавать такие советы, два вуза в Москве постарались пойти по этому пути. Один из них – это РГГУ, где не сработало. Другой вуз – там сработало, но не так, как в Дубне и «вышке» – РЭА имени Г.В. Плеханова. Она «продалась» Дерипаске решением совета. Но в силу каких-то причин никаких последствий это не возымело. Какие-то деньги он дал, но программы, которые они хотели, не пошли. Меньше нужны деньги – больше нужны программы, эти, так сказать, «выходы». Я не знаю, почему не пошло, – возможно, связано с этими кризисами и ситуацией, в которой оказался сам Дерипаска.

Вывод очень принципиален и важен: если мы с Вами ни у кого не хотим ничего отбирать, а мы с Вами люди мирные, то единственный способ перераспределить власть и осуществить инновацию – это поступиться частью своей власти, и договориться, что ваш коллега тоже готов вас включить. А это означает, что открытость, которая есть в указанных примерах, – эта ситуация не совсем конкурентного, а кооперативного порядка.

Я понимаю, как на меня мой ректор смотрит, которому надоели мои постоянные поездки в Сибирь, когда я по месяцу отсутствую. Георгий Виссарионович абсолютно в этой же ситуации. Также и сотрудничество с другими вузами. Поскольку естественно, что каждый администратор хотел бы иметь своего учёного. Когда надо, администратор его достаёт со всеми конно-гвардейскими регалиями, а потом учёный поговорил, и раз его – обратно в карман. И тогда это идеально.

Дальше жить как-то надо. И я понимаю коллег, которые не потеряли связи с вузами и где-то подрабатывают. Но это «партизанщина», и все на это смотрят, закрыв глаза, потому что понимают, что на такой зарплате не проживёшь. Но самое главное, что государство совершенно естественным образом создаёт «стеклянную» вещь, когда стена между бюджетниками, бизнесом и властью. Вообще говоря, это сознательная разводка. Потому что когда в любой области, крае губернатор встречается с этими и говорит: «Что вам нужно, ребята!» И мы говорим: «Деньги. Помещение...» А потом встречается с этими и то же самое спрашивает. Они отвечают: «Льготы дайте, ещё что-нибудь...»

Ещё раз повторяю – это сделано специально. Потому что если поменять – картина совершенно другая, ведь бизнес и образование могут вместе власть поменять. И совершенно правильно Алла Стефановна нам говорила, что в этом весь «кайф» – когда я во власти, со одной стороны, мне бизнес платит, а с другой стороны, я же сам доктор наук. То есть ребята-то ведут себя совершенно логично. Но непонятна ситуация: «Мы-то что дураки такие?!»

Почему я говорю про учредительство? Есть три города: Казань, Омск и Барнаул. Казань и Омск, несмотря на то, что в рейтингах они идут рядом, – это два разных мира, потому что как только о какой-то новации говорится – в Казани она есть. У них есть попечительские советы, и бизнес-инкубатор, и технопарк. Они правильно говорят: «Двести миллионов дали – тридцать миллионов своровали». И не го-

ворится по ходу дела, что, например, в Омске-то какие двести миллионов – здесь десять тысяч, запросись, не дадут. Здесь нет этого: ни технопарка, ни бизнес-инкубатора в казанском варианте. Они правы, когда ругаются, потому что неэффективно всё, очень много «показухи», очень много специфических вещей. Но они-то это всё делают. А Омск в этом отношении – в Омске приятно отдыхать душой, сядешь, поговоришь о космосе и так далее, а потому случайно спросишь: «А почему у Вас мусора много стало», а тебе отвечают: «Ну, это власть!»

А в Барнауле там ещё интереснее. Там и умные разговоры не с кем вести. Потому что чтобы вести умные разговоры, тебе скажут: «Давай сначала бутылку поставь. Заплати – мы с тобой поговорим».

Эти три города и коммуникации, которые там выстраиваются – в Барнауле коммуникации самые жёсткие. Речь не идёт об объединении вузов, потому что сначала должна возникнуть социальная функция, должны возникнуть сообщества учёных, потом должны возникнуть проекты, а потом для чего-то, если она понадобится, должна возникнуть юридическая форма. А если просто – то это совершенно другое.

Как говорил мой любимый детский писатель Николай Носов: «Коротышки были неодинаковые». Города – они разные. А мы играем, не хотим себе признаваться. Как говорил Гуннар Мюрдаль, скептически смотря на современную ему Индию: «Ничто так не оскорбляет национальное самосознание в ситуации отсутствия экономического роста, в бедности, как понимание, что причины этого лежат в верованиях и национальной культуре людей». Когда мы себе в этом же не сознаемся.

И я, последние несколько дней читая в ОмГУ лекции, употреблял слова «коммуникации», «типы культур» и так далее. И несколько человек ко мне подошло и сказало: «Пётр Александрович, а почему Вы нас называете «омичами»?» Я отвечаю, что Омск – город определённых коммуникаций, люди тут так живут. Если вы переезжаете в Новосибирск, то остаться омичом там можно, а вот москвичом затруднительно там стать. А в Москву, когда вы переезжаете, там омичом остаться практически невозможно, и наоборот. Потому что, когда вы живёте в городе – вы должны принимать правила игры. Если мы рассматриваем города как социальные объекты, то в них есть такого рода коды. С этим надо считаться.

Но когда мы проговорили про инновации, а потом поставили диагноз, что в Омске инновации, по сути, невозможны, тогда нужно по-другому всё это рассматривать.

Князева И.Г.: По поводу попечительского совета. У нас в Омске у Кадетского корпуса есть попечительский совет во главе с губернатором, и Кадетский корпус – лучший в Сибири и на Дальнем Востоке.

Дусь Ю.П.: И поэтому огромные помещения Кадетского корпуса, которых хватило бы на пять университетов, были отданы ста кадетам, а университет так и остался разбросанным по ста корпусам на окраинах города.

По поводу того, что «невозможно» – в рамках и масштабах одного факультета возможно. Мы прошли и через попечительский совет, и он у нас формально есть, и там формально есть какие-то попечители. Это масштаб: в Москве это есть всё, в Казани – в масштабах вуза, а в Омске – в масштабах факультета. И как это даётся, и как это оканчивается – не мне Вам говорить.

Ореховский П.А.: Коллеги, диагноз поставлен.